

В ГЛУБИНЕ сцены — вишневый сад. Деревьев немного, почти у самых кулис белое дерево склонилось, из зрительного зала оно похоже на женщину. Так «одел» сцену спектакля «Вишневого сада» в театре Линкольн-центр художник Санто Локвесто. Поставил «Вишневого сада» А. Сербан, Раневскую сыграла Айрин Уортс. Советские зрители знают эту актрису. Во время гастролей Питера Брука в Советском Союзе в 1964 году она играла Гонерилью в «Короле Лире» с Полом Скофилдом в главной роли.

В интервью газете «Нью-Йорк таймс» Айрин Уортс заметила: «Раневская — мечта калдой актрисы, самый привлекательный образ во всей театральной драматургии». В «Вишневом саду» А. Сербан и Айрин Уортс увидели лейтмотивы современных общественных тревог. А. Сербан старался сделать спектакль политически более насыщенным, чем это бывало обычно. Он добавил сцену, в которой крестьяне тянут плуг, а на заднике, появляющемся время от времени, художник изобразил фабрику, из ее трубы стелется дым... Чехов говорит в пьесе об ужасах нищеты: «У всех на глазах рабочие едят отравительно, спят без подушек, по тридцати, по сорока в одной комнате, везде клопы, смрад, сырость, нравственная нечистота...». «Следует задуматься над этим, ведь американская публика в массе политически не осведомлена, а между тем множество трагедий и несчастий произошло за последние годы... Вспомним Вьетнам», — сказала корреспонденту газеты Айрин Уортс.

Бедность в «обществе процветания» и инфляция, «уотергейтское дело» и падение престижа новой администрации изменили психологический климат Америки. Несмотря на кризис прежних форм политической активности, наблюдается повышение политического сознания молодежи и особенно творческой интеллигенции США, явный рост ее интереса к политической проблематике.

Совсем недавно, когда Вашингтонская администрация в очередной раз начала демонстрировать свой «жесткий курс» в отношении Советского Союза, преследуя цель затормозить процесс разрядки международной напряженности, американский писатель Гор Видал в беседе с Теннесси Нильямсом на страницах газеты «Нью-Йорк таймс» высказал их общее мнение о том, что «общественный покой» только способствует развитию культурных связей, особенно контактов с русской культурой. (Известно, что Чехов — любимый драматург Т. Уильямса). Политика Вашингтона, не имеющая в своей основе развития подлинных свобод и подлинных культурных связей, осложняет жизнь американской творческой интеллигенции, болезненно относящейся к нравственным бедам своей страны. Этот мотив пытался реализовать в спектакле «Вишневый сад» А. Сербан.

Нищета и поэзия старинной усадьбы, Раневская, разрывающаяся между домом, родиной и Парижем, и бедный люд, забытый, малограмотный, привыкший к грубости и несчастьям. Все существует рядом. Громадное большинство интеллигенции только называет себя интеллигентней, «ничего не ищет, ничего не делает... с мужиками общаются, как с животными...» — эти чеховские слова чрезвычайно важны для А. Сербана. В финале спектакля после слов Фирса наступает тишина; а потом появляются мужики и на глазах у зрителей стучат топорами по деревьям. Пришел новый хозяин и распорядился хватить топором по вишневому саду, но для крестьян ничего не изменилось: так и будет тянуться их жизнь, несладкая, несчастливая.

Спектакль вызвал яростную полемику среди критиков.

«Мы заинтересованы в чеховской правде, а не в фантазиях парвеню и выскочки

А. Сербана», — утверждает американский знаток Чехова критик Т. Калем, обвинивший режиссера в «надувательстве, пустяшности и вздорности», — и продолжает: «Сидя в уютной полутьме зала, хочется наблюдать за персонажами «Вишневого сада» в атмосфере чеховской правды. Все должно быть так, как у автора, с тончайшими подробностями быта и психологии». Часто враждующие между собой американские театральные критики Д. Саймон, Т. Калем, Л. Хьюз на

цев ему недоступен. Духовные и культурные ценности бесполезны в прагматическом представлении американского дельца и обывателя. (Кстати, это «сугубо» американское решение образа в равной степени характерно и для А. Сербана, и для А. Шнайдера). Американский Лопухин будет ворочать огромными делами, настроит дач, и внуки и правнуки его на самом деле увидят здесь новую, нет, не новую, просто другую жизнь. Но только едва ли она принесет им добро и счастье.

К Л Ю Ч К ЧЕХОВУ

ЗАМЕТКИ ОБ АМЕРИКАНСКОМ ТЕАТРЕ

этот раз объединились в решительном неприятии режиссерского рисунка А. Сербана.

Духовная ценность «Вишневого сада», по мнению критиков, растворилась в режиссерских вольностях. Даже те, кто приветствовал «политизацию» «Вишневого сада», не одобряли дальнюю дистанцию от ремарок автора и его указаний. Немало возмущало и то, что А. Сербан подчеркнул комические элементы пьесы. «Театр превратился в средство режиссерского самовыражения. От Брука до Уилсона, от Сербана до О'Хоргана — все жаждут сказать нам, что они думают о Шекспире, что они думают о Чехове, какими Шекспир и Чехов должны сегодня быть», — пишет Д. Саймон.

В этих словах — серьезная проблема современного американского театра. «Новая волна» американских режиссеров, по мнению Д. Саймона, обескоужена лишь одним: как выразить себя? Как сообщить зрителям свои мысли о пьесе? Мысли автора, его идеи остаются за «кадрами» режиссерского прочтения.

Попытаемся взглянуть на природу и неприятие критики и режиссерского своеволия. Авангардистский мятеж «нового театра», одно из проявлений леворадикальной идеологии, сотрясавший американскую сцену в 60-х годах, был своеобразной реакцией на традиционный американский театр с его убивающими общественно значимыми идеалами. Американский традиционный театр рассматривался авангардистскими ниспровергателями как феномен, скользящий под уклон и не выходящий за рамки канонизации удачных в прошлом сценических прочтений. Критика дала шедьры прошлых лет, частое проигрывание которых только подчеркивало их изжитость. Сербан — один из тех, кто бросил вызов устаревшим, по их мнению, традициям.

Спектакль А. Сербана явился причиной возникшей парадоксальной ситуации — он оживил интерес к так называемому традиционному театру. Театральный Нью-Йорк вновь потянулся к нему, совсем недавно безжалостно отвергнутому им. Наверное, потому с таким вниманием была встречена еще одна постановка «Вишневого сада», осуществленная на этот раз Аланом Шнайдером в студийном «Театре Джуллиарда», созданном при знаменитой Джуллиардской школе. Спектакль А. Шайдера подчеркнут традиционен. Раневскую сыграла молодая актриса Карла Чаропская. Вишневый сад для нее — это мир безгрешный и безмятежный, мир, который она растеряла, а потом не сумела обрести вновь.

Лопухин в «Театре Джуллиарда» — фигура очень американская. Это дельце, человек, умеющий взять свое. Недовольственность жизнью ему несвойственна; духовный мир его прежних владель-

«Другая жизнь» наверняка будет лишена поэзии и красоты.

Известно, что бурную экспрессию 60-х годов сменил консервативный стиль ретро. Но новые ценности и идеалы гораздо шире и сложнее, чем «погоня за прошлым», чем просто печаль и тоска по нему. Алан Шнайдер уловил в пьесе Чехова всего лишь один мотив, и критики при общей доброжелательной оценке констатировали, что «Театру Джуллиарда» не хватило «широкого дыхания», той мировоззренческой глубины, на которую спектакль поначалу претендовал.

Чехова всегда много играли в США, особенно в 70-е годы. Критика высоко оценила чеховские спектакли в постановке Сонни Мур, недавно основавшей на «офф-офф-Бродвее» «Американский театр имени Станиславского». Только что состоялась в Нью-Йорке шумная премьера «Дяди Вани». «Вишневый сад» ставили часто в Балтиморе, в Лос-Анджелесе, в молодом «Свободном уличном театре» в Чикаго, на одной из самых популярных провинциальных сцен США — в театре «Гатри» в Миннеаполисе. Почти ежегодно ставят пьесу в Нью-Йорке — то на «офф-Бродвее», то на «офф-офф-Бродвее». В прошлом сезоне на шумел «Вишневый сад», поставленный Робертом Манделем в театре «Раундэбаут» со знаменитой Ким Хантер в роли Раневской. Спектакль прошел 56 раз, что немало по американским меркам — ведь спектакль шел ежедневно.

Слова Чехова о том, что для жизни в настоящем надо сначала искупить прошлое, — а искупить его можно только необычным, непрерывным трудом, — воодушевляют сегодня тех, кто мечтает о трансформации американского общества. Однако вольное искажение Чехова и нарушение чеховской стилистики помешало тому же спектаклю А. Сербана стать художественным событием, каким бы сенсационным его ни называла любящая скандалы американская пресса.

По-видимому, возвращение на сцену подлинно чеховской духовной атмосферы возможно лишь при следовании тому, что именуется чеховским стилем, чеховским видением жизни. Но до этих высот сценического прочтения «Вишневого сада» американский театр еще не дотянулся.

Режиссерские вольности А. Сербана оказались так же неприемлемы, как и буквальный прочтение пьесы А. Шнайдером, включающее непосредственные, сегодняшние контакты с жизнью. Сумеет ли театр США найти свой ключ к чеховским пьесам, когда-то увиденным американцами в их совершенном воплощении — во время гастролей МКХАта с участием великого Станиславского, покажет будущее. Бесспорно одно — ненайденный ключ терзает душу американского театра.

Виталий ВУЛЬФ.